

А.В. Марков

*доктор филологических наук,
доцент кафедры кино и современного искусства
факультета истории искусства РГГУ
markovius@gmail.com*

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ УСПЕНСКОГО

Епископ Порфирий Успенский (1804-1885) обычно понимается как представитель традиционной духовности и официальной религии; в данной статье доказывается, что его следует относить к истории радикальной романтической мысли. Романтическое влияние было усвоено им через эстетику, через восприятие искусства в ключе современной ему мысли об искусстве. Порфирий Успенский, фрагментарно воспринимая исторические и искусствоведческие данные, создает эксцентрическую философию истории. Даже в традиционализм он вкладывает радикальное содержание и эстетическую критику, и должен рассматриваться в одном ряду с Ницше, Константином Леонтьевым и другими критиками морали.

Ключевые слова: философия истории, история искусствознания, иконопись, романтизм, духовность

Bishop Porfiry (Porphyrius) Uspensky (1804-1885) is usually understood as representative of traditional spirituality and official religion; in this article it is proved that his writing should be referred to the history of radical romantic thoughts. Romantic influence was adopted by him through aesthetic perception of art in the way of 19 c. art-criticism. Porfiry Uspensky, perceiving fragmentary historical and art-historical data conceived eccentric philosophy of history. He reconceptualize radical traditionalism as aesthetic criticism, and so he should be considered on a par with Nietzsche, Konstantin Leontiev and other critics of morality.

Keywords: philosophy of history, history of art history, iconography, romance, spirituality

Епископ Порфирий Успенский впервые поехал на Афон в 1845 году. Казалось бы, его труды – простые отчеты, но на самом деле по ним видно, и как глубоко романтизм затронул людей, которые считали себя традиционными, и как критика искусства стала способом вновь понять историю «после романтизма». На Афоне он пытался видеть развитие гражданских начал, доказывая, что Афон не был в рабстве ни у византийских императоров, ни у турецких султанов, но создавал свои начала гражданства. Но языка для обозначения этих гражданских начал у него не было, кроме эстетического и духовного языка, описания того, что видно, и что неотвязно в своей выразительности.

Как и всякий автор, получивший прививку романтизма, Порфирий Успенский уже не противопоставляет два порядка, античный и христианский, но оба порядка рассматривает как аномалии по отношению к начальному первобытному состоянию. Только язычество оказывается аномалией расточительства и роскоши, тогда как христианство – аномалией забвения: благое забвение, отрекающееся от прежней нечестивой жизни, в культуре оказывается забвением о самых простых вещах. Как и романтики, Порфирий Успенский считал началом человеческой истории сход ледников, который в его воображении сливается со всемирным потоком: торжество природы как ледников отражается в торжестве забвения, когда всё сущее покрывают воды. Изобретение письменности для него – реакция на это забвение: человек, как природное существо, склонное к подражанию, не находя в окружающем катастрофическом мире достойного предмета для подражания, и создает письменность, как возможность подражать тому немногому, что у него осталось – звукам голоса, первым движениям мысли или первым интуициям. Письменность для

Порфирия Успенского – это и есть единственное проявление народного характера, единственная самобытность, которой нет ни в искусстве, ни в ремеслах. Искусства и ремесла создаются по общим правилам, исходя из простых природных способностей человека, и если не одинаковы у всех народов, то станут одинаковыми. А вот письменность – это повод совершенствоваться дальше, это упражнения, требующие гибкости и небывалого соображения, и искры гениальности здесь всегда оставляют самобытные следы даже в самой форме букв. В древнейших иероглифах отразилось движение ледников, появление островов, гор и долин (ПП1, 150), иначе говоря, голос самой природы, но затем стал крепнуть голос человека, создание которым букв гораздо важнее создания понятий.

Интересно, что для Порфирия Успенского даже в близкое его время создание механизмов предшествует созданию телесных навыков, а не подражает им: сначала на Афоне появились механические часы, а потом монахи, подражая механическим часам, научились определять время по солнцу. Получается, что механизм и представляет ту чистую идею изобретения, ту «икону» изобретения, в сравнении с которой любой телесный навык – это просто случайное совпадение привычек, бытовой «идол» привыкания. При этом именно как слишком механичные он воспринимает письменные сочинения греков: «Печатных сочинений его я не читал, а из рукописных пробежал «О предопределении» и «Против Иудеев»; и спешу сказать, что хорошо он сделал, что не печатал эту прескучную схоластику свою. У отца Прокопия голос деревянный, да и слог дубовый. Рассуждения его – так же вкусны, как желуди» (ПП1, 59) – что говорит о том, что он ищет скорее эстетическую иконичность эмоции, чем дискурсивную выдержанность речи.

Согласно Порфирию Успенскому, история до ледников и потопа отличалась тем, что сама природа вручала себя человеку в качестве орудия: например, ковчег строился из четвероугольных деревьев, которые так и росли, возвышаясь над землей. Тогда как после потопа людям пришлось иметь дело с суровой природой, и более того, замысел о человечестве был в том, чтобы племена не заимствовали друг у друга достижения цивилизации: чтобы все жили розно, и осваивали оружие природы вместе с оружием языка. Промысел берег их от больших войн, но обучал той меткости в действиях и решительности, которая и станет остротой ума. Единственное, что народы заимствовали друг у друга – это звания правителей: стремясь умножиться числом, они хотели воздать похвалу тому человеку, который станет для них мудрым покровителем, а так как форм поэзии они еще не могли изобрести, которые бы были самобытны, то они подхватывали для похвалы одни и те же титулы по всей земле, наподобие того, как золото стало драгоценностью на всей земле. Сами имена правителей и были первой поэзией, изливающей чувство к земному умножению и преуспеянию, и подобно золотым венкам, они венчали мудрых правителей, созерцающих множество вещей и покровительствующих умножению своего племени.

Первый народ, сломавший этот привычный порядок вещей – это были греки. Они заметили, что смена времен года несет не только заслуженные испытания, но и возможность провести хотя бы часть года в обостренном ощущении скоро преходящего времени. Греки слишком остро ощущали холод старости, и потому тем охотнее предавались наслаждениям. Афон, ныне лесистый и пустынный, с малыми островками монастырей, в языческие времена более походил на город, чем на скалистый полуостров. Порфирий Успенский находит свидетельства о существовании дорог и акведуков на Афоне, и из этого делает вывод, что античность создавала блистательную цивилизацию на пустом месте, куда бы она ни приходила. Античность научилась быстро овладевать временем, как мы владеем языком, и как мы легко составляем текст, античность легко составляла города и целые инфраструктуры. Когда исторических свидетельств недостает, Порфирий Успенский пускается в догадки, превращая любой даже самый слабый намек в готовую схему и чертеж: о чем говорит множество святых источников на Афоне? – конечно же, о том, что в античности это были купальни, должны же были веселые греки найти им применение. У древних греков, по Порфирию Успенскому, что ни явление природы, так сразу схема, чертеж и идея благополучия и удобства. Всякий грек – уже Платон с готовым миром идей, только в быту, а не в философии. Афон языческого времени епископ представляет как парк, в котором статуи дриад гармонировали со столетними деревьями,

а самые прекрасные деревья были столь же утонченными, сколь статуи. Лесные существа были похожи на скульптуры благородного белого мрамора, и только древний Пан, слишком благоговейший перед жизнью, выглядел как раскрашенная скульптура, ставшая предметом пристального любования: «пятна рысей кожи, которую он носил на себе, возбуждали мысль о звездах на небе и о разнообразиях земли» (ПП2, 235).

Язычество предопределило само устройство монашеского Афона: длинные галереи и просторные притворы Порфирий Успенский объясняет как наследие культа Артемиды. Порфирий Успенский говорит о христианских обычаях именно как о «сколках» с античности, даже не следах: следы оставляет христианство, но само оно есть просто истинная форма для того, что уже пережито в язычестве. Он совершенно не думает о практической стороне этих сооружений: ему важно, что как лес оглашался голосом богини, так и теперь голосники храмов отражают потаенную будто в лесу жизнь монашества. Монашество для него – не этап развития культуры, но инобытие языческой цивилизации, превращение картин из жизни богов в способ пережить историю и переиграть историю в отшельническом подвиге. Монахи как свита Артемиды выступают из тьмы леса и исчезают как исчезли античные боги вообще из нашей жизни, оставляя лишь следы молитвенного подвига. А остаток культа Аполлона – праздник Сретения: уже не встреча с юным стрелком, но с юным Господом.

Христианская культура начинается для Порфирия Успенского с того, что если в языческое время различались автор, редактор, переписчик и комментатор, то христиане научились сами писать, редактировать и распространять свои сочинения. Иначе говоря, если язычество требует инфраструктуры для литературы, то в христианстве сама литература позволяет каждому прожить свою собственную спасительную судьбу. Обратная сторона этого – неспособность монахов быть хорошими организаторами взаимодействия разных должностей: должности понимаются как повод для молитвы, но не для ролевого взаимодействия. Молитва христиан для него ничем не ценна, это просто реакция на отдельные события, тогда как литературное творчество и есть единственный ответ на спасительный призыв. Молитва превращается в случайное сопровождение исторических обстоятельств, в их эхо, которое разве приятностью для любопытного слуха выделяется в цельном переживании природы, тогда как литературная деятельность христиан готовила их к тому, чтобы действовать в истории, а иконы помогали справляться с неувязками в литературной речи, с многозначностью слов, показывая, что понятия можно и изобразить.

Иконичность для Порфирия Успенского становится внеморальной. Жест в иконе изображает понятие, но именно в силу его внеморальности, его исключительно эмоционального эмпатического понимания, оно не может быть понято однозначно: «у Богомладенца персты правой ручки сжаты в кулачок. Не знаю, что этим выразил иконописец, миродержительство ли Сына Божия, или гнев Его на грешников (...)» (ПП2, 81). Также три звезды на омофоре Богородицы напоминают Порфирию Успенскому исключительно богослужебные эпитеты «Звезды» и «светлости» (ПП2, 124), а не догмат о непорочности – моральный смысл догмата как конструирования чистой жизни не так ему важен как образность, которая позволяет экстатически воспринимать природу и делать изобразимым с помощью образов света и звезд само понятие природы.

Поэтому Порфирий Успенский считает, что вклад императоров Византии в процветание Афона был ничтожен: Императоры всегда пытаются истолковать историю в свою пользу, тогда как развернуть управление хозяйством как историческое действие, как создание правил чести и достоинства, могли только сами монахи, слишком ценившие свое благочестие, чтобы не управлять хозяйством с честью и с достоинством. Но только будучи лишены возможности вести войны, монахи не смогли научиться и хорошо строить (хотя и сохранили инженерные уловки античности, вроде умения мгновенно зажигать все лампы): все крепкие постройки Афона Порфирий Успенский, не сомневаясь, объявляет античными или хотя бы стоящими на античном фундаменте. Поэтому, если монашество хочет научиться хорошо строить, не воюя, оно должно стать совершенно

А.В. Марков *Искусствоведческие предпосылки философии истории
епископа Порфирия Успенского*

нестыжательским, даже не выращивать овощи и не ловить рыбу: тогда оно предстанет в той прямо́те и беззащитности, которая лучше всякой крепостной стены, и качество стен сразу возрастет. Для Порфирия Успенского история христианского времени – уже не изобретение букв, но изобретение защитных сооружений, хранилищ и городов, и это только «скол» с того изобретения букв, которое и было подлинным истоком существования человечества. Это только пустыня истории, но не подлинная история. Согласно Порфирию Успенскому, афониты так полюбили изображать ангелов, просто чтобы они служили Литургию вместо недостойных священников: изображение оказывается той напряженной символизацией, которая только и может вернуть «буквы» смысла в мир некачественного строительства духовной жизни.

Впрочем, Порфирий Успенский отдельно выделяет XVIII в., когда вдруг живопись стала служить текстом, а значит, и «идея» стала находить себе если не реализацию, то хотя бы область существования: греки стали придерживаться одного стиля построения живописного текста, а славяне – другого. В XVIII в. всё строится с основания «Эта церковь стояла до 1713 года, а в этот год с оснований вновь создана была иждивением проигумена лавры Иосифа, как это видно из надписи в ней» (ПП1, 275). «Западное отделение келий (...) вновь с оснований создано из штучных камней в годы 1819, 1820, 1846-й» (ПП3, 9), хотя из самой фразы ясно, что перестройка шла в несколько этапов, и перестроена меньшая часть здания.

Сама речь его об этом периоде стилизуется под документ, и утрачиваются границы между переписыванием и изложением: «водружена в 1706 году деревянная позлащенная сень с главою на четырех колонночках: на ней же дароносица, свещники, кресты и иные удобрения полагаема зело увеселяют зрящих» (ПП2, 178). В этот период прекратился разноречивый местный манер в иконописи, и остались только греческая и славянская манера; иначе говоря, стиль был артикулирован уже не как «скол», а как способ прочитывать эти сколы, свидетельства Писания и Предания, и делать их частью жизни большой общины. Все надписи того времени и читаются как документы о победе стилистических требований над смысловыми: «На местной иконе Спасителя внизу поставлен год ее написания 1786-й и рядом с ним написано ПРОС: это – сокращённое имя или живописца, или того, кто заказал ему написать икону, например: Иоанн Рос, или Иеромонах Софроний, Стефан». (ПП3, 146). Этот период для него и есть период, когда начинают систематически выходить книги, подготовленные на Афоне: а значит, история может глядеться в свое зеркало и учиться говорить. Книги этого времени он именует «редкостями», хотя редкими они не были – но ему важна эта редкость истинного зеркала. Всем надписям XVIII – XIX в. Порфирий Успенский верит, он воспроизводит их содержание, даже копирует их, не делая никаких привычных ему критических замечаний. Надписи, как он говорит, являются единственными свидетелями истории, потому что в противном случае приходится расспрашивать монахов, а русскому учёному, торопящемуся завершить свои библиотечные занятия, это делать недосуг. Важно только иконически видеть себя, а конструирование морали в ученых занятиях для него ничего не говорит. Порфирий Успенский поэтически агитирует за создание на Афоне постоянного собора, который бы выпускал постоянные циркуляры – только тогда сухие тексты, механическая изобретательность, станут достаточно иконичной и поэтичной. Политико-бюрократические планы оказываются оправданы внеморальным эстетизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Архимандрита, ныне Епископа, Порфирия Успенского. – Киев: Типография В.Л. Фронцкевича, 1877. [репринт: М.: Общество сохранения литературного наследия, 2006; в одном томе с сохр. пагинаций] Часть 1-я, Отделение первое (ПП1). Часть 1-я, Отделение второе (ПП2), Часть 2-я, Отделение первое (ПП3).
2. Епископ Порфирий (Успенский). История Афона. [1871-1873] – М.: Издательство «ДАРЪ», 2007. Т.1. [ч.1: Афон языческий; ч.2: Афон христианский, мирской; ч.3: Афон монашеский] (ИА1) Т.2. [ч.3: Афон монашеский. Отд.2: Оправдания истории Афона] (ИА2).

A. Markov *The art historical premises of the philosophy of history*
by Bishop Porfiry Uspensky

REFERENCES

1. Porfirij (Uspenskij). *Pervoe puteshestvie v Afonskie monastyri i skity. Arhimandrita, nyne Episkopa, Porfirija Uspenskogo* [The first journey to Athos monasteries and hesychasteria by Archimandrites and now Bishop Porphyrios Uspensky]. Kyiv, Fronckevich typography, 1877. Part 1, section 1—2, Part 2, section 1.
2. Episkop Porfirij (Uspenskij). *Istorija Afona* [The History of Athos, 1871-1873]. Moscow, Izdatel'stvo «DAR'», 2007. Vol.1. part.1: Pagan Athos; part.2: Christian and laic Athos; part3: Monastic Athos. Vol.2. part.3: Monastic Athos. Section.2: Apology of Athos History.